

Гёте и русская философская поэзия

На протяжении многих веков между Германией и Россией существуют постоянные культурные контакты. Интенсивность и направленность их менялись в зависимости от политической конъюнктуры. Неизменным же всегда оставался живой человеческий интерес, чему немало способствовало знакомство с литературой той или иной страны.

Русская интеллигенция, „тоскуя по мировой культуре“, после увлечения байронизмом остановила свой выбор на „сумрачном немецком гении“, зачислив в неподдающиеся сомнению приоритеты – теорию Ф. Шлегеля, эстетику Гегеля и Ваккенродера, философию Фихте и Шеллинга, универсализм И.-Г. Гердера, романтическое наследие Гейне, Гельдерлина, Клейста, Новалиса, Гофмана. Немецкая интеллигенция, вслед за Гёте преодолевая выработавшийся столетиями на Западе европоцентризм, расширяла представление о „мировой литературе“ на Восток, пока не оказалась уязвлённой „загадкой славянской души“. Так в круг чтения уважающего себя немецкого читателя вошли Толстой, Достоевский и Чехов.

Сказанное выше в полной мере характерно не только для простого читателя, но и для самих литераторов. Многие немецкие авторы, такие как Р.М. Рильке, Б. Брехт, Т. Манн, находились под обаянием русской литературы. А немецкие писатели, и прежде всего Гёте, оказали огромное влияние на формирование русской литературы. О внимании к личности Гёте в русской культуре говорит и количество переводов его произведений. В разное время Гёте переводили Лермонтов, Плещеев, Михайлов, Фет, А.К. Толстой, Холодковский, Лозинский, Пастернак, Заболоцкий. Знакомство с прозой, поэзией, драматургией Гёте служило не только знаком приобщения к культуре, но и питательной средой для творческого воображения. Так, следы влияния веймарского гения можно найти у Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Заболоцкого, Тарковского, Булгакова. В частности, Николай Алексеевич Заболоцкий, по его собственному признанию, ощутил на себе мощное влияние натурфилософской концепции Гёте.

В основе материалистической натурфилософии Гёте лежала теория эволюции – „метаморфозы“, как он её называл, намекая на связь с „Метаморфозами“ Овидия. Переход из одного состояния в другое, развитие в животном и растительном мире – вот круг проблем, занимавший его при написании „Опыта о метаморфозе растений“. Наблюдения, гипотезы, раздумья над

природой поэта-философа способствовали формированию его концепции неразделённости человека и природы в живом, многокрасочном, подвижном мироздании. Влияние идей И.-Г. Гердера, И. Канта, Б. Спинозы определило мировоззрение Гёте, наложило отпечаток на гипотезу развития Вселенной и Земли со всем на ней существующим и на важнейший элемент мировоззрения поэта – его обожествление Природы, пантеизм. Для Гёте вся природа была одухотворена и представляла собой некий единый, космически огромный, живой и жизнотворный организм:

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение –
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

(Фауст, ч.1, ст. 1., пер. Н. Холодковского)

Натурфилософские идеи Гёте занимали Заболоцкого уже в 1921 г., когда молодой провинциал, приехав из Сернура в Москву, а потом в Петроград, ужаснулся „кипящей меркантильности“, пошлости и бездуховности обывателей большого города и выразил своё видение в сборнике стихотворений „Столбцы“. Уродство, деградация, духовный тупик – к таким выводам приходит поэт в отношении человеческой цивилизации. В поисках выхода он обращается к прекрасному, чистому, разумному и разнообразному в своих проявлениях миру Природы. Именно в это время, работая над „Школой жуков“, „Торжеством земледелия“, „Лодейниковым“, „Безумным Волком“, „Деревьями“ и др., Заболоцкий внимательно изучает научные теории к.ХІХ – нач. ХХ века, „Диалектику природы“ Ф. Энгельса, труды Циолковского и Вернадского, но пристальнее всего – работы Гёте. Следы влияния натурфилософских концепций Гёте явно обнаруживаются в поэзии Заболоцкого 1930-х годов.

В самом деле, Заболоцкому этого периода свойствен пантеизм. Его мир Природы: и животные, и растения – одухотворены. У деревьев есть глаза и руки, лицо коня „прекрасно и умно“, речка „девочкой невзрачной Притаи-

лась среди трав, То смеётся, то рыдает, Ноги в землю закопав". Это не традиционная поэтическая метафора. Здесь мы имеем дело именно с натуралистическими тенденциями отождествления бога и мира, растворения бога в природе. В отношении Заболоцкого к животному миру – лицо коня, прекрасные глаза быка, толстое тело коровы – также заметно влияние идей Гёте о целесообразности и совершенстве животного мира („Метаморфоза животных"). Взгляды Гёте на природу как некое нерасторжимое единство и вытекающая отсюда идея прототипов всех растений (теория прарастения) преломляются у Заболоцкого в образе „дерева Сферы":

Дерево Сфера царствует здесь над другими.

Дерево Сфера – это значок беспредельного дерева.

(Деревья, 1933)

Подобный же образ встречается и в „Искусстве" („Дерево растёт, напоминая Естественную деревянную колонну") и в „Венчании плодами". Но главное, имеющее принципиальное значение, родство концепций Природы Гёте и Заболоцкого заключается в решении проблемы „смерть – бессмертие".

Гёте воспринимал мир Природы и Человека как единое целое, вечно изменяющееся, неустойчивое равновесие, в котором „каждый род, один за другим и через посредничество другого, если и не возникает, то поддерживается", и запечатлел это в своей философской лирике („Прочное в сменах", „Душа мира", „Одно и всё", „Завет"). Его идеи –

Пусть жизнь от целого приемлет каждый

И вновь – к нему назад

или:

Кто жил, в ничто не обратится –

рождения всего сущего из безбрежного Океана, или Хаоса, и возврата после смерти в родную стихию – были восприняты Тютчевым, а затем и Заболоцким. Есть у Заболоцкого и прямые реминисценции:

И сквозь тяжёлый мрак миротворенья

Рвалась вперёд бессмертная душа

Растительного мира,

или:

Была дева – стали щи.

Но концептуально теория метаморфоз, отсутствия готовых форм, постоян-

ного движения и изменения воплотились у Заболоцкого в стихотворении „Сон” (1953). И хотя острота восприятия ежедневного „умирания” Природы, свойственная поэту в 30-е годы, к этому времени уже прошла, и в системе натурфилософских воззрений поэта произошли значительные изменения, проблема „смерти-бессмертия” решается поэтом здесь в русле концепции Гёте.

Стремление души „стать не душой, но частью мироздания” – итог долгих размышлений, почему „жизнь возникает после моей смерти”. То, что было неясно, становится несомненным и входит в кровь и в плоть поэта. Использование формы „сна”, своеобразного „умирания” (романтическая традиция) позволяет Заболоцкому преодолеть границы реального, обыденного, увидеть будущее, не видимое иначе.

Эта же идея бессмертия воплотилась и в „Завещании” (1947), где звучат реминисценции из Пушкина и Блока („Я не умру, мой друг”, „Покоя в мире нет”):

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя

И, погасив свечу, о п я т ь отправлюсь я (разрядка наша, Р.С.)

В необозримый мир туманных превращений...

Здесь поэт чувствует себя „государством атомов”, живших прежде в другой форме, после смерти составляющих другие организации. Единственное, что останется как память о его жизни, как наследство потомку – Мысль. То, что из „государства атомов” делает человека, то, что выделяет его из мира Природы. В известном смысле в такой интерпретации идей Гёте, в такой формуле личного бессмертия заключается оптимизм концепции Природы у Заболоцкого.

Этот вывод тем более важен, что сформулирован в поздних стихотворениях поэта, после лет, проведённых в лагерях, после катастрофического душевного потрясения. Уйдя от литературной борьбы, Заболоцкий тщательно скрывал свои идеи, маскируя их под „апухтинский”, по выражению Ахматовой, стиль. Тем не менее, поэтическое зрение его до самого конца жизни осталось прежним:

„Растения во всём многообразии – эта трава, эти цветы, эти деревья – могущественное царство первобытной жизни, основа всего живущего, мои братья... Разве могу я отказаться от родства с ними?”.